

УДК 39(470.53)

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-34-44

ЦЫГАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СРЕДНЕГО УРАЛА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

А. В. Черных

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 614990, Пермь, ул. Ленина, 13А
atschernych@yandex.ru

На основе документальных материалов центральных и региональных архивов рассматриваются особенности формирования цыганского сообщества на Среднем Урале. Прослеживаются миграции цыганского населения в разные исторические периоды, выявляются характер их присутствия в регионе, особенности взаимодействия с органами власти. Характеризуется источниковая база и отмечается слабое документирование цыганской истории. Констатируется, что XIX – начало XX в. были временем формирования цыганского населения на Среднем Урале: если в XVIII – начале XIX в. цыганские таборы лишь эпизодически появлялись в регионе, то со второй четверти XIX в. присутствие в нем цыганских общин стало постоянным, росла их численность и расширялись территории, осваиваемые этим народом. Основу цыганского населения указанного периода составили таборы этнической группы русских цыган. Лишь в начале XX в. в регионе появляются представители так называемых «иностранных цыган», относящиеся преимущественно к этническим группам кэлдэрагов и ловарей. Особенностью формирования на Среднем Урале сообщества русских цыган явились миграции из двух регионов – из европейской части России и Сибири. В сопредельных сибирских губерниях цыганские общины образовались несколько раньше и были более многочисленны. Архивные материалы позволяют раскрыть также особенности реализации в регионах страны государственной политики, направленной на создание условий для оседания кочевых таборов и принуждение к оседанию, ограничение цыганской мобильности в XIX – начале XX в. Однако она не принесла ожидаемого результата и в этот период не привела к оседанию кочевых таборов. Во второй половине XIX – начале XX в. цыгане уже составляют органичную часть сообщества Пермской губернии: выступления цыган на пермских пароходах, цыганские хоры в губернском центре и уездных городах, цыгане-барышники на ярмарках и базарах становятся обычными явлениями жизни российской провинции.

Ключевые слова: цыгане, этническая история XVIII – начала XX в., Средний Урал, миграционные процессы, этнические группы русских цыган, кэлдэрагы.

Актуальным для российского цыгановедения по-прежнему остается изучение разных вопросов истории цыган России, поскольку неоднократно отмечалось фрагментарное раскрытие данной тематики [Shaidurov, 2017, с. 1207]. Такое положение связано не только со слабым развитием цыгановедческих исследований в нашей стране, но и с выявлением и использованием огромного массива документальных источников, хранящихся в центральных, региональных и местных архивных учреждениях. В последние годы появилось немало работ по истории цыган России в XVIII – начале XX в., основанных на опубликованных и архивных материалах [Денисов, 2013, с. 44–49; Смирнова-Сеславинская, 2013, с. 23–43; 2016, р. 23–55; 2017, с. 1–21; Черных, 2018, с. 138–148; Shaidurov, 2017, с. 1207–1218; 2018, с. 1107–1110; Тюрин, 2018, с. 42–53; Цыгане, 2018]. Среди тематики публикаций последних лет важное место занимают традиционные для отечественного цыгановедения темы миграций и формирования цыганского населения [Денисов, 2013, с. 44–49; Смирнова-Сеславинская, 2013, с. 23–43; 2016, р. 23–55; Черных, 2018, с. 138–148], а также государственной политики в России в отношении цыган [Смирнова-Сеславинская, 2017, с. 1–21; Shaidurov, 2017, с. 1207–1218; 2018, с. 1107–1110; Тюрин, 2018, с. 42–53]. Однако таких работ немного. В разной степени они охватывают разные исторические периоды и регионы России. Остаются актуальными как источниковедческие, так и исторические исследования цыган и «цыганского вопроса» как в Российском государстве, так и в его регионах.

Историография истории цыган на Среднем Урале представлена лишь несколькими работами [Черных, 2003; Черных, Вайман, Имайкина, 2005; Килин, 2005, с. 187–226; 2002, с. 261–264; Каменских, 2017, с. 10–17; Черных, 2018, с. 379–402; Черных, Вайман, 2018]. В этнологических исследованиях вопросы формирования и реализации государственной политики по отношению к цыганам рассматриваются схематично, большей частью на материалах опубликованных и этнографических источников. В работах историков А.П. Килина и М.С. Каменских изучены вопросы колхозного строительства, связанного с цыганами, и их положения в 1920–1930-х гг. Таким образом, необходимо выявление новых источников с целью изучения миграционных процессов, этапов и особенностей формирования цыганского сообщества, особенностей расселения, составления их социальных и этнокультурных характеристик, а также реализации в регионе государственной политики в отношении цыган.

В настоящей статье предпринята попытка на основе архивных и опубликованных источников рассмотреть особенности пребывания цыганского населения на территории Пермской губернии в XIX – начале XX в. Источниками исследования стали материалы архивных собраний: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Государственного архива Пермского края (ГАПК).

Особенности источников не только в их немногочисленности и фрагментарности, но и в том, что большинство их формировалось в период активизации государственной политики, направленной на прекращение кочевых передвижений цыган и перевод их к оседлому образу жизни. Особенностью источников в большинстве своем является и отражение «внешнего» взгляда на цыганское сообщество, представленное многочисленными этническими группами, имеющими разные мобильность, сферы занятости, этнокультурные характеристики. Несмотря на неполноту, источники позволяют судить об особенностях региональной истории цыган Урала.

Когда на Среднем Урале появились первые цыганские таборы – неизвестно. Транзитные группы цыган, видимо, замечены в Пермском Прикамье уже в XVIII в. Известно, что цыганские таборы в регионах Сибири фиксируются уже в середине XVIII в. [Sanarov, 1970, р. 126–137; Смирнова-Сеславинская, 2013, с. 23–43; 2016, р. 23–55]. Главный путь в Сибирь из европейской части России в этот период проходил по Пермскому Прикамью. В своем движении в Сибирь цыгане не могли миновать этот регион, хотя документальных свидетельств их пребывания здесь в указанный период пока не выявлено. Первое известное к настоящему времени упоминание цыган в Сибири относится к первой трети XVIII в. В записках шотландского путешественника Д.Бэлла приведены сведения о появлении в г. Тобольске цыган, полученные им после прибытия в город в октябре 1721 г. [Sanarov, 1970, р. 126–137; Смирнова-Сеславинская, 2013, с. 23–24]. К XVIII в. относятся и первые свидетельства о нахождении цыган на Южном Урале: в Оренбургской губернии они отмечены уже в 1767 г. [Денисов, 2013, с. 44].

Первое из обнаруженных сведений о пребывании цыган в Прикамье датируется 1794–1795 гг. Ссылный поляк Иосиф Копец, описывая в дневнике путь из Москвы в Сибирь, в частности, его участок от Казани до Тобольска, отмечает: «На проездом тракте, при большой реке Каме, живут бухарцы, калмыки и цыгане» (Описание путешествия..., 1896, с. 240). К сожалению, в тексте не упоминается конкретный населенный пункт, однако упоминание Сибирского тракта и реки Камы позволяет связывать это свидетельство с Прикамьем. Однако географ и историк Пермского края Н. С. Попов, в начале XIX в. подготовивший фундаментальный труд о Пермской губернии, где дал подробную характеристику всем народам, проживающим в Прикамье (в том числе временно приезжающим), не отмечает цыган среди населения края в этот период [Попов, 1804, ч. 1, 2]. Поэтому лишь по фрагментарным и косвенным данным можно предполагать о временном или эпизодическом появлении цыган в регионе в XVIII в.

Впервые «цыганская тематика» в Пермской губернии отражается в официальных документах начала XIX в. Сохранилось предписание Сената пермскому губернатору К. Модераху «о пресечении бродяжничества цыган и происходящих от него беспорядков и наглостей», датированное 24 июня 1803 г. Согласно указу он должен был доставить сведения о цыганах, проживающих в Пермской губернии в этот период (ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д.9. Л.1). Ответ пермского губернатора был следующий: «в здешней губернии цыган не за кем и нисколько не состоит. Карл Модерах...» (РГИА. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 41. Л.12). Ответ был подготовлен на следующий

день после получения указа. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, специально сведения о цыганах дополнительно не собирались, с другой – была уверенность в отсутствии цыганского населения. Так или иначе, постоянного, приписанного к городам и сельским населенным пунктам, цыганского населения в Пермской губернии в этот период скорее всего не было. Можно лишь предполагать присутствие транзитных и временно находящихся на территории губернии кочевых таборов.

В 1809 г. в Пермской губернии был получен указ из Правительствующего сената «о приведение в лучшее устройство цыган и о пресечении перехода их с места на место», который отложился в документах Пермской казенной палаты (ГАПК. Ф. 177. Оп. 1. Д.1940. Л. 47 об.-48). Каких-либо мероприятий, связанных с реализацией данного указа непосредственно после его получения, видимо, не проводилось.

Наиболее полные сведения о цыганском населении Пермской губернии относятся к 1839–1843 гг., когда правительством вновь предпринимаются попытки пресечения бродяжничества цыган и перевода их на оседлый образ жизни [Смирнова-Сеславинская, 2017, с. 1–21]. Согласно донесению пермского гражданского губернатора от 17 июня 1839 г. к городам Пермской губернии были приписаны 89 цыган. Они были «перечислены» в Пермскую губернию в 1822 и 1833 гг. из города Каинска Томской губернии. Среди цыган губернии «один только человек, приписанный в Осинское мещанское общество имеет постоянное жительство в городе Осе в собственном доме и занимается разною там работою из вольной платы...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.1–1об.). Основная часть прибывших сибирских цыган была приписана к городу Камышлову: «прочие же за тем 88 душ, хотя и приписаны к городу Камышлову, 40 человек в купцы 3 гильдии и 48 человек в мещанское сословие, обязавшись данною Пермской Казенной палате подпиской обзавестись домами и заниматься промышленностью, званию их присвоенному, но все они, как донес мне Камышловский городничий, ни постоянного пребывания, ни занятий в Камышлове не имеют, и с выданными им с тамошнего уездного Казначейства годовыми плакатными паспортами, уволены для снискания пропитания в разные места...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.1об. –2).

Как видно из источников, численность цыганского населения в Пермской губернии в этот период была незначительной. Большая часть цыган губернии была официально приписана к г. Камышлову, находилась в мещанском и купеческом сословии, однако не имела постоянных домов и вела кочевой образ жизни. В момент составления ведомости цыгане г. Камышлова находились в отлучке.

По каким территориям проходили кочевые маршруты «камышловских» цыган в указанное время, неизвестно. Однако в 1840 г. приписанные к г. Камышлову цыгане возвратились в город, о чем пермский губернатор докладывал в Министерство государственных имуществ (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 16–16 об.). Скорее всего, для значительной части кочевых цыганских групп России в условиях существования законодательных норм, ограничивающих передвижение, практика приписки к населенным пунктам с получением паспортов или билетов, разрешающих отлучки, была обычной. При прекращении действия «разрешительных» документов таборы возвращались к местам приписки для получения новых. Ареал кочевания при этом обычно ограничивался одним или несколькими сопредельными уездами.

Так как новые законодательные акты требовали расселять всех кочевых цыган в казенные селения с причислением их к крестьянскому сословию, пермский губернатор обратился с предложением к Камышловскому городскому обществу о переводе цыган, не имеющих постоянных домов и оседлости, в сельские общества. Однако уже 2 ноября 1840 г. сообщалось, что «камышловские» цыгане «обзавелись собственными домами, проживают безвыездно в городе, отлучаясь по одному человеку из семейства и Камышловское градское общество в доставленном ко мне приговоре объясняет, что на увольнение приписавшихся в их обществе цыган оно со своей стороны не находит никаких причин...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 17 об.). Таким образом, в г. Камышлове цыгане были оставлены приписанными к городскому обществу.

Рассмотрение материалов позволило выявить особенности расселения цыган в городах. Но сбор сведений о сельских цыганах был затруднен, так как в официальных материалах последней к тому времени VIII ревизии национальный состав не отражался, а крестьянское сельское население было представлено разными социальными категориями. Поэтому для ответа

губернатору потребовалось запросить сведения у волостных правлений. И «волостные правления донесли, что цыган в казенные крестьяне приписано никогда не было и ныне не состоит» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 8–10 об.). О том, были ли цыгане среди помещичьих и других категорий крестьян, информация в документе отсутствует. Однако следует предполагать, что сельского цыганского населения в указанный период в Пермской губернии скорее всего не было.

В период сбора сведений и активной переписки по обустройству цыган с центральными властями в губернию прикочевывали и таборы цыган, не приписанных к Пермской губернии. В 1839 г. в Ирбитском уезде, в Ницинской волости, были задержаны «скитающиеся табором цыгане Василий и Петр Бушуевы с семействами, состоящие в купеческом звании г. Ялуторовска Тобольской губернии», о чем отмечается в донесении от 9 декабря 1839 г. Они предъявили паспорта, выданные Ялуторовским хозяйственным управлением, действительные до 1840 г. (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.12–12 об.). При расспросах задержанные показали, что «в городе Ялуторовске постоянной оседлости и домообзаводства не имеют». В итоге завязалась длительная переписка между пермским и тобольским губернским начальством и Министерством государственных имуществ. В первом письме в министерство по данному вопросу пермский губернатор, ориентируясь на постановление о приписке задержанных кочевых цыган в казенные крестьяне по месту задержания, спрашивает о возможности исключения их из Ялуторовского гражданского общества и приписке к казенным крестьянам Пермской или Тобольской губернии (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.12 об.). О задержанных пермскими губернскими властями были получены сведения, согласно которым цыгане табора более 20 лет приписаны к г. Ялуторовску Тобольской губернии в мещанском сословии, а с 1839 – в купеческом. В 1840 г. они вновь «по необъявлению капитала» были возвращены в мещанское сословие (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.49).

Тобольское губернское начальство настаивало на возвращении задержанных в Тобольскую губернию, что аргументировалось несколькими факторами: задержаны с паспортами, срок действия которых не закончился, кроме того, «они по дошедшей очереди обязаны здесь исполнит рекрутскую повинность, и что если они желают остаться в Пермской губернии то единственно из того, что бы избавиться от поставки рекрута...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 45об.). Однако позиция пермского губернского начальства была иной. Пермский гражданский губернатор не дал согласия на высылку задержанных обратно по требованию тобольского губернского начальства, аргументировав это следующим: задержанные цыгане в г. Ялуторовске, к которому были приписаны, не имели оседлости и не желали туда возвращаться, «бродяжничая в разных местах Пермской и Тобольской губерний», кроме того, паспорта были выданы в нарушение действующего «Устава о паспортах и беглых», и цыгане Бушуевы, «пользуясь сим, не переставали бродяжничать, по разным местам таборами, снискивая себе пропитание частью прошением милостыни, частью обманом и мошенничеством... посему пермское губернское начальство обязано было распорядиться о немедленном задержании их и приписке к селениям государственных крестьян...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. 48–48 об.).

Еще до завершения переписки и решения властей о судьбе задержанных цыгане были водворены там, где были задержаны, – в Ницинской волости Ирбитского уезда, где ими был приобретен «для прочной оседлости» дом (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.56). Согласно постановлениям правительства о мерах по пресечению бродяжничества цыган в момент водворения им оказывалась помощь денежными средствами, орудиями труда, продуктами, зерном, так как предполагалось ориентировать их на занятия земледелием. Бушуевы, как видно из документов, отказались от натуральных пособий зерном и орудиями земледельческого труда («по непривычке к земледельческой работе»), получив денежное пособие «на устройство постоянной своей оседлости» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.61–61 об.). Цыганский табор Бушуевых, водворенный в Пермскую губернию, состоял, судя по последней ревизии, из 9 ревизских душ мужского пола, представляющих одну большую семью из нескольких братьев (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.61 об.). Для закрепления кочующих цыган местному начальству было предписано осуществлять строгий надзор за цыганами Ницинской волости (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д. 1413-7. Л. 62–63).

В итоге цыганский табор Бушуевых остался в Ирбитском уезде. В последнем письме Министерства государственных имуществ отмечалось: «Господин Министр о водворении означенных цыган в казенном селении Ницынском изволил изъявить согласие с тем, если в отправлении лежащей на них рекрутской повинности по городу Ялуторовску устранены будут препятствия» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.77).

В феврале 1841 г. еще один табор цыган был задержан полицией в окрестностях города Перми. Табор состоял из 7 семейств и включал 51 чел. При проведении дознания оказалось, что задержанные по документам состояли в мещанском обществе города Обояни Курской губернии, что «по приговору онаго постановленному в мае 1840 г. 145 человеками, составляющих более двух третей наличных домохозяев, следуют в г. Тюмень, куда намерены приписаться» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 22–23). Причиной, которая заставила отправиться в дальнюю дорогу, была следующая: «по дороговизне хлеба в Курской губернии, не в состоянии были пропитывать там свои семейства, как равно вносить государственные подати, почему и приняли намерение к переселению в Тюмень» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 25). Как выяснилось, из Курской губернии табор вышел в составе 49 семейств, но, со слов цыган, еще во Владимирской губернии они разделились на три партии. Сверка людей цыганского табора с имеющимся списком показала существенную разницу в составе. В итоге пермской полицией был составлен новый список всех цыган табора.

Согласно постановлению Пермского губернского правления от 21 февраля 1841 г. задержанные цыгане были переданы в ведение Пермской палаты государственных имуществ, и было решено причислить их к сельским обществам Пермской губернии (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 22–25). По распоряжению Палаты государственных имуществ все цыганские семьи были водворены в казенные селения Кунгурского и Пермского уездов губернии. В деревне Усть-Качка была поселена семья П. Локатушина (Локотушина), состоящая из 13 чел., в деревне Канабекова – семья Я. Николаева из 8 чел., в деревне Аиткова – семья М. Иванова из 5 чел., в деревне Батерякова – семья Н. Янышева из 5 чел., в деревне Верх-Култым – семья Я. Локатушина из 3 чел., в селе Чусовское – семья И. Галченко из 5 чел., в селе Кыласовское – семья Н. Гарват из 10 чел. (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.81–81об.).

Расселение табора в разные деревни и села губернии, отстоящие друг от друга на значительном расстоянии, происходило в соответствии с циркуляром Министерства государственных имуществ от 27 марта 1840 г. за № 1835 (РГИА. Ф.383. Оп.2. Д.1413-6. Л.6 об.).

Во время водворения в селения Пермской губернии цыганским семьям была оказана материальная поддержка. Кунгурский окружной начальник доносил, что «при водворении цыган в 1841 году... они были мирскими обществами наделены пахотной землею, старыми для жительства домами, земледельческими орудиями, а бедным семействам давалось и самое пропитание» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.92). В то же время денежного пособия и леса водворенным цыганам выдано не было, так как в скором времени они покинули селения Пермской губернии (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 96).

Поселение в русские и татарские деревни Пермского и Кунгурского уездов, несомненно, не входило в планы цыган, поэтому они обращаются с жалобой и просьбой о следовании в г. Тюмень. В просьбе на имя министра финансов они отмечали, «что по данному им от общества города Обояни увольнению для проезда и водворения с семействами по случаю неурожая хлеба с разрешения высшего правительства Тобольской губернии города Тюмень, куда шествуя через некоторые губернии без всякого от кого-либо препятствия и стеснения до губернского города Перми, где остановлены земскою полицею, с объявлением, что они далее следовать не должны, и, наконец, по распоряжению начальства, размещены Кунгурского округа в разных селениях в число крестьян, где не в состоянии приискать себе с семейством дневного пропитания. Почему согласно данного им приговора от общества мещан города Обояни желая иметь постоянную оседлость в г. Тюмени просят дозволить им поселиться Тобольской губернии в городе Тюмени с припискою в мещанское сословие...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.82 об. – 83).

В ответе на жалобу цыган от 29 декабря 1842 г. им следовало объявить, «что они могут перейти в мещанское состояние на общем основании, исполнив предварительно перечисленные все условия...» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.86 об.).

Опыт водворения цыган данного табора в казенные селения Пермской губернии оказался неудачным. В скором времени цыганские семьи «неизвестно куда отбыли». Местным властям было строго наказано, «чтобы местные их начальства имели за цыганами надзор и ни в каком случае ни целому семейству, ни в частности одному лицу увольнительных видов выдаваемо не было» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 81 об.). Массовое бегство цыган табора из мест водворения вынудило Палату государственных имуществ постановить: «А) предписать кунгурскому окружному начальнику чтобы он как об отыскании бежавших цыган из мест водворения равно о бдительном надзоре за неотлучкою оставшихся в местах водворения сделал строжайшее распоряжение; В) с приложением выписки цыганам, отлучившимся из мест водворения, с объяснением примет их, сообщив в Пермское губернское правление, просить, чтобы благоволено об отыскании тех цыган и возвращении надлежащим порядком в места их водворения, сделать надлежащее опубликование и об оказавшемся по оным уведомить палату; С) как по отзывам цыган видно, что они имеют неперемное желание поселиться Тобольской губернии в городе Тюмени, то полагая, что бежавшие устремились туда, сообщить в Томское губернское правление, дабы оно учинило надлежащее распоряжение о поимке и высылке в Пермь означенных цыган, буде они явятся в той губернии, для чего также препроводить посемейный их список с означением примет, о настоящем распоряжении и вышеизложенного донести» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л.83–83об.).

Несмотря на принятые меры по надзору за оставшимися и поиску сбежавших, все цыганские семьи покинули села и деревни водворения – «в числе 7 семейств... из мест их водворения самовольно отлучились». Уже 8 декабря 1843 г. сообщалось: «Что разыскание бежавших из Пермской губернии цыган в числе 24 и 27 душ троекратно было сообщаемо. Никаких сведений о последствиях розыска нет» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 100). Таким образом, окончательное водворение и приписка к казенным селениям Пермской губернии следует «считать окончательно невозможно» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 96).

Кроме двух эпизодов, связанных с пребыванием таборов в Пермской губернии, других случаев их присутствия в 1839–1843 гг. в документах не зафиксировано. 30 октября 1843 г. пермский гражданский губернатор И. Огарев докладывал: «имею честь уведомить, что во введенной мне губернии шатающихся таборами цыган не оказалось» (РГИА. Ф. 383. Оп. 2. Д.1413-7. Л. 90).

Таким образом, исходя из материалов длительной переписки и целенаправленно собираемых сведений, а также реализации целой программы мероприятий, направленных на пресечение бродяжничества цыган, можно заключить, что цыганское население в этот период на Среднем Урале было немногочисленным. Большая его часть была сосредоточена в восточных, зауральских, уездах Пермской губернии. Зауральские группы цыган в этот период происходили из сибирских регионов – Томской и Тобольской губерний, откуда они и мигрировали на Урал. Таким образом, Зауралье, видимо, входило в зону формирования и расселения сибирской группы русских цыган.

В реализации государственной политики в отношении цыган (пресечение «бродяжничества» и приписка к казенным селениям) пермские губернские власти достаточно строго следовали предписаниям. Однако данные меры, хотя и создавали трудности в цыганской мобильности, не способствовали окончательному оседанию цыган даже в тех населенных пунктах, к которым они были приписаны.

Середина – вторая половина XIX в. и начало XX в. менее представлены документальными источниками о цыганах Пермской губернии. Связано это с несколькими обстоятельствами. Во-первых, не сложилось в современном понимании системы учета этнического состава населения. В большинстве официальных документов указывались вероисповедание и сословная принадлежность населения. Цыгане большей частью были православными и принадлежали к крестьянскому, мещанскому, купеческому и казачьему сословиям, поэтому не выделялись в статистических материалах ревизий и переписей. Например, в однодневной переписи в г. Екатеринбурге 1873 г. сведения об этническом составе жителей отсутствуют (Результаты..., 1873). Нет сведений о цыганах Пермской губернии и в таком обобщающем труде о Пермской губернии, как «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния» (Мозель, 1864). Однако это не является свидетельством об

отсутствии цыганского населения: сопоставление с данными подобных источников в других губерниях показывает, что цыгане не всегда попадали в материалы статистики и общие описания губерний, хотя присутствие цыганского населения в них известно по другим документам [Цыгане, 2018, с. 14–15].

Во-вторых, политика в отношении цыган в этот период не была такой жесткой. Ограничительные правила действовали лишь в отношении цыган, приписанных к сельским обществам; правила для цыган, находившихся в мещанском и купеческом сословии, были более свободными [Смирнова-Сеславинская, 2017, с. 1–21]. Так как в этот период не принимается новых мер в отношении цыган, сведения об особенностях расселения, занятости и «бродяжничестве» цыган в регионах Российской империи не собираются.

Однако ограничительные меры в отношении цыганского кочевья в этот период продолжали действовать. В конце XIX в. сохранялся и запрет на размещение таборами. В случаях нарушения запрета в Департаменте полиции ссылались на применение «к кочующим цыганам п. 3 разд. 4 высочайше утвержденного 3-го июня 1894 года мнения Государственного совета, по силе коего цыганам запрещается кочевание как в местах приписки, так и в других местностях империи...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 65. Д.132. Л.2).

Реализация этих предписаний создавала определенные трудности в передвижениях кочевых цыган. В этом отношении интересно обращение цыган Пермской губернии в 1912 г. в Министерство внутренних дел Российской империи с жалобами на действие губернских и уездных органов и полиции. Обращение подписано Шадринского уезда далматовским мещанином из цыган Осипом Ивановичем Четвериковым и Василием Григорьевичем Бушуевым: «Мы по происхождению цыгане, 26 семей, проживающих в пределах Екатеринбургского и Шадринского уездов... Местное пермское начальство в лице губернатора и исправников издало ряд циркуляров, совершенно стесняющих нашу цыганскую жизнь. Эти циркуляры стесняют свободу передвижения нас, цыган. Ни в одной губернии нет таких притеснений цыган, как в нашей Пермской губернии... Обратите ваше высокоблагосклонное внимание на наше бедственное положение нас цыган и дайте нам возможность жить так, как жили наш отцы и деды. Ведь все повинности мы платим исправно...» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69,1912. Д. 179. Л.1–2 об.).

В ответ на жалобу цыган пермские власти сообщали в Министерство внутренних дел о правомочности действий местной полиции: «...Как выяснено расследованием, чины Камышловской и Екатеринбургской полиции воспрещают цыганам лишь кочевание в пределах этих уездов, что в виду требования 159 – ст.г. XIV Уст. Пред. Прест. (продолж. 1906 г.) является безусловно правильным. Никаких других притеснений полиция цыганам не чинит и жалоба их в этом отношении не основательна...» В ответе приводится и ссылка на юридический акт – Устав о предотвращении и пресечении преступлений по продовольствию (1906. Т. 14) – с цитатой: «Цыганам безусловно воспрещается кочевание как в местах приписки, так и в других местностях Империи., а также не дозволяется располагаться где бы то ни было таборами и устраивать временные помещения в виде шатров и палаток» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69,1912. Д. 179. Л. 4–5).

Наиболее достоверным источником информации о цыганском населении Среднего Урала конца XIX в. (хотя и заведомо неполным) являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи (1897 г.). Согласно им в Пермской губернии 375 чел. называли цыганский язык в качестве родного (Первая всеобщая..., 1904, с. 95). При переписи было учтено население с цыганским «наречием». Всего в Российской империи было зафиксировано 44582 чел. с цыганским «наречием» [Цыгане, 2018, с. 114]. Пермская губерния по числу цыган не выделялась среди губерний Поволжья и Урала с преимущественно русским населением – основным этническим партнером большинства цыганских групп России. В Оренбургской губернии отмечено 514 чел. с цыганским «наречием», в Вятской – 330, в Нижегородской – 523. Численность цыган в Пермской губернии была значительно большей, чем в сопредельных Уфимской и Казанской губерниях.

Численность цыганского населения Пермской губернии в этот период была незначительной, хотя можно предположить, что далеко не все цыганское население было учтено. Однако данные переписи все же позволяют судить об особенностях расселения цыган в губернии. Большая часть цыган – 317 чел., или 85% от всего числа цыган губернии, – проживала в сель-

ской местности, городское цыганское население составляло 58 чел., или 15%. Значительная часть городских цыган отмечена в г. Ирбит – 39 чел., в г. Чердынь проживало 13 чел., в уездных городах Камышлов и Кунгур – 5 и 1 чел. соответственно.

Распределение цыганского населения по уездам Пермской губернии было неравномерным. В нескольких уездах – Пермском, Осинском и Оханском – при переписи цыгане не учтены. Наибольшее число цыган зафиксировано в зауральских уездах: Екатеринбургском (119 чел.), Камышловском (56), Шадринском (49), а также в Верхотурском (31), Ирбитском (39) и Красноуфимском (13). Из западных уездов в Кунгурском отмечено 10 чел., в Соликамском – 45 (все – в г. Дедюхине) и Чердынском – 13. Таким образом, большая часть цыганского населения губернии в этот период проживала в зауральских уездах – 307 чел., или 81,9%. Возможно, такой характер расселения обусловлен тем, что в Западной Сибири тогда цыганского населения было значительно больше, чем в поволжских и уральских губерниях. Только в Тобольской губернии их численность составляла 1526 чел. Распределение мужчин и женщин среди цыган Пермской губернии в этот период было пропорциональным – на 193 мужчины приходилось 182 женщины. Таблицы, используемые при переписи, не позволяют привести данные о вероисповедании, грамотности и роду занятий цыган.

Сохранившиеся документальные источники, содержащие сведения о цыганах начала XX в., немногочисленны. Тем не менее они дают возможность судить о некоторых процессах и новых тенденциях в цыганской истории региона.

В конце XIX – начале XX в. началась новая значительная миграция в Российскую империю цыганского населения из Юго-Восточной Европы. Эту миграцию принято называть Большой кэлдэрарской или кэлдэрарско-ловарской, так как в ней участвовали в основном цыгане двух этнических групп – кэлдэрары и ловары. Цыгане, прибывающие в Россию, были выходцами из Австро-Венгрии, Румынии, Сербии, Греции. Осваивая российское пространство и адаптируясь к новым реалиям, они оказались значительно мобильнее в передвижении по территории России, чем старожильческие группы. Обычно эти цыгане оставались подданными иностранных государств, имели иностранные паспорта, а для передвижения пользовались железнодорожным транспортом. Документы начала XX в. свидетельствуют о пребывании «иностранцев цыган» на территории Урала, в Пермской губернии. Так, в 1912 г. отмечается проживание в Пермской губернии австрийских подданных цыган Стефана Маркова Белона, Зенко Павлова Курило, Виктора Иванова Павловских и Марии Стефан Белон. Они были осуждены приговором Пермского окружного суда 20 января 1912 г. за составление преступного сообщества – шайки – для получения обманом денег с проживающих в Соликамском уезде русских цыган (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 69. 1912 г. Д. 188). В 1915 г. задержанный в Москве цыган Букур Георгиевич Михай, 1881 г., румынский подданный, сообщил: «Года четыре тому назад я содержал цыганский хор в Перми и других городах» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 35. Д. 119. Л. 12). Цыганские хоры в начале XX в. были чрезвычайно популярны в российском обществе, их выступления проходили не только в столицах, но и в губернских и уездных городах. Иностранцы цыгане также участвовали в этих хорах [Черных, 2018, 145–146]. К сожалению, показание Б. Михай – единственное выявленное свидетельство о деятельности цыганских хоров в Пермской губернии.

Таким образом, в XIX – начале XX в. формируется цыганское население в Пермской губернии. Если в XVIII – начале XIX в. цыганские таборы лишь эпизодически появлялись в регионе, то со второй четверти XIX в. присутствие здесь цыганских общин стало постоянным, увеличивались их численность и территории, осваиваемые этим народом. Особенностью формирования на Среднем Урале сообщества русских цыган явилась миграция из двух регионов – из европейской части страны и из Сибири. В сопредельных сибирских губерниях цыганские общины сформировались несколько раньше и были более многочисленны.

Архивные материалы позволяют определить особенности реализации в регионах страны государственной политики, направленной на оседание кочевых таборов и ограничение цыганской мобильности в XIX – начале XX в. Однако она не принесла ожидаемых результатов. Во второй половине XIX – начале XX в. цыгане уже составляют органичную часть сообщества Пермской губернии: выступления цыган на пермских пароходах, цыганские хоры в губернском

центре и уездных городах, цыгане-барышники на ярмарках и базарах становятся обычными явлениями жизни российской провинции.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, № 17-31-00008 «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие»

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 62. Д. 88; Оп. 65. Д.132; Оп. 69. 1912 год. Д. 179, 188.
ГАРФ. Ф. 63. Отделение по сохранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при Московском градоначальнике. Оп. 35. Д.119.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1285. Департамент государственного хозяйства МВД. Оп. 3. Д. 41.
РГИА. Ф. 383. Первый департамент Министерства государственный имуществ .Оп. 2. Д.1413-7, 1413-6.
Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Канцелярия пермского губернатора министерства внутренних дел. Оп. 4. Д.9.
ГАПК. Ф. 177. Пермские палаты уголовного и гражданского суда Министерства юстиции. Оп. 1. Д.1940.
Описание путешествия Иосифа Копця // Исторический вестник. 1896. Т.66. С.226–244.
Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Пермь: Тип. губ. правл., 1804. Ч. 1.399 с.; Ч.2. 400 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 29—32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская. СПб., 1904. Т. 16. С. 95.
Результаты однодневной переписи, произведенной 26 марта 1873 года (Материалы для статистики г. Екатеринбурга). Екатеринбург: Тип. Е. Ахматовой, 1873. [14] с.
Мозель Х.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1864. Ч. 1. 368+60 с.; Ч. 2. 746+50 с.

Библиографический список

- Sanarov V.I.* The Siberian Gypsies // Journal of the Gypsy Lore Society. 1970. 3, 49 (3–4). P. 126–137.
Shaidurov V.N. On the history of the roma in the Russian empire (second half of the 18th - first quarter of the 19th century // Былые годы. 2017. №4 (46). С. 1207–1218.
Shaidurov V.N. Crown gypsies of Bessarabia and Russia's state policy (1828–1836) // Былые годы. 2018. №4 (3). С. 1101–1110.
Денисов Д.Н. Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков // Цыгане в оренбургском социуме: Матер. круглого стола, посв. Междунар. Дню цыган. Оренбург: Б. и., 2013. С. 44–49.
Каменских М.С. Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17.
Килин А.П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Б. и., 2005. Вып. 5. С. 187–226.
Килин А.П. Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Четвертые Татищевские чтения: Матер. конф.: Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18 – 19 апреля 2002 г. Екатеринбург: Б. и., 2002. С. 261–264.
Смирнова-Сеславинская М.В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 1–21.

Смирнова-Сеславинская М.В. Формирование «старожильческого» цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв. // Roma: past, present, future / ed. Н. Кучуков, Е. Marushiakova, V. Popov. Munich, 2016. P. 23–55.

Смирнова-Сеславинская М.В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях XVIII – начала XXI вв. // Цыгане в оренбургском социуме: Матер. круглого стола, посв. Междунар. Дню цыган. Оренбург: Б. и., 2013. С. 22–43.

Тюрин А.С. «Цыганская проблема» в деятельности ведомства государственных имуществ в Нижегородской губернии (1839–1866) // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 3 (42). С. 42–53.

Черных А.В., Вайман Д.И. Цыгане г. Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. 64 с.

Черных А.В. Пермские цыгане: Очерки этнографии цыганского табора. Пермь: Б. и., 2003. 60 с.

Черных А.В. Цыгане в регионах России: Пермский край // Этническое и религиозное многообразие России. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: Б. и., 2018. С. 379–402.

Черных А.В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып. 1 (40). С. 138–148.

Черных А.В., Вайман Д.И., Имайкина Е.А. Этносоциальные процессы в цыганских общинах Пермской области на современном этапе (по результатам этносоциологического исследования цыган Пермской области). Пермь: ПОНИЦАА, 2005. - 52 с.

Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А.В. Черных / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2018. 590 с. (Народы и культуры).

Дата поступления рукописи в редакцию 22.12.2018

GYPSY POPULATION OF THE MIDDLE URALS IN THE LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

A. V. Chernykh

Perm Federal Research Center, Ural branch of Russian Academy of Sciences, Lenin str., 13A, 614990, Perm, Russia

atschernykh@yandex.ru

Based on the materials of the central and regional archives, the article describes the peculiarities of the formation of the Gypsy community in the Middle Urals. The migration of the Gypsy population in different historical periods, the character of their presence in the region and the features of their interaction with the authorities are traced. The source database is characterized, and poor documentation of the history of Gypsies is marked. It is noted that the period of the 19th – early 20th centuries was the time of the formation of the Gypsy population in the region. In the 18th and early 19th centuries, Gypsy camps appeared in the region only occasionally, but, starting from the second quarter of the 19th century, their presence became permanent, their population and exploited territory grew. The basis of the Gypsy population of that period was the camps of the ethnic group of Russian gypsies. Only in the early 20th century, did representatives of the so-called "foreign gypsies" appear in the region. They were mostly from Calderash or Lovari. The main feature of the formation of the ethnic minority of Russian Gypsies was migration from two regions – the European part of the country and Siberia. In adjacent Siberian provinces, Gypsy communities had been formed a bit earlier and were larger. The archival materials highlight the peculiarities of state policy in different regions aimed at the resettlement of nomadic camps and the limitation of the Gypsy mobility in the 19th and early 20th century. But this did not bring the expected effect and did not lead to the resettlement of nomadic camps during that period. In the second half of the 19th – early 20th centuries, Gypsies became an organic part of the Perm community: performances of Gypsies on Perm ships, Gypsy choirs in the governorate centre and towns, Gypsy sellers on fairs and markets became commonplace in the life of Russian provinces.

Key words: Gypsies, ethnic history of the 18th – early 20th centuries, the Middle Urals, migration processes.

References

Chenykh, A.V. & D.I. Vaiman (2018), *Tsygane Permi: istoriya i kultura* [Gypsies of Perm: history and culture], Mamatov, St. Petersburg, Russia, 64 p.

Chenykh, A.V., Vaiman, D.I. & E.A. Imaikina (2005), *Etnosotsialnyye protsessy v tsyganskikh obshchinakh Permskoy oblasti na sovremennoy etape (po rezul'tatam etnosotsiologicheskogo issledovaniya tsygan Permskoy oblasti)* [Today's ethno-social processes in the Romani communities of the Perm region (based on ethno-sociological study among the Perm region Gypsies)], PONITsAA, Perm, Russia, 52 p.

- Chernykh A.V. (2018), “The Kalderash Roma in Russia in the second half of the 19th and early 20th centuries”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, № 1 (40), pp. 138–148.
- Chernykh, A.V. (2003), *Permskie tsygane: ocherki etnografii tsyganskogo tabora* [Perm Gypsies: essays on the ethnography of the Gypsy camp], w.p., Perm, Russia, 60 p.
- Chernykh, A.V. (2018), “Gypsies in the regions of Russia: The Perm region”, in Tishkov, V.A. & V.V. Stepanov (eds.), *Etnicheskoye i religioznoye mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious variety of Russia], second edition, w.p., Moscow, Russia, pp. 379–402.
- Demeter, N.G. & A.V. Chernykh (eds.) (2018), *Tsygane* [The gypsies], Nauka, Moscow, Russia, 590 p.
- Denisov, D.N. (2013), “Gypsies of Orenburg in the 1760s – early 19th century”, in *Tsygane v orenburgskom sotsiume* [Gypsies in Orenburg society], Universitet, Orenburg, Russia, pp. 44–49.
- Kamenskikh, M.S. (2017), “The involvement of the Gypsy population into kolkhoz building in the Urals at the end of the 1920s – 1930s”, *The Bulletin of Perm Scientific Centre of UB RAS*, № 4, pp. 10–17.
- Kilin, A. P. (2005), “The Policy of Transferring Roma to Sedentary Lifestyles: Problems of Implementation (1926–1937)”, *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost*, № 5, pp. 187–226.
- Kilin, A.P. (2002), “The foundation of the Gypsy kolkhozes in the Urals: the parties’ interests”, in *Chetvertye Tatishchevskye chtenia* [The Fourth Tatishchev Readings. The materials of the conference. The nature, life and the culture of the Urals], w.p., Yekaterinburg, Russia, pp. 261–264.
- Sanarov, V.I. (1970), “The Siberian Gypsies”, *Journal of the Gypsy Lore Society*, III, № 49 (3-4), pp. 126–137.
- Shaidurov, V.N. (2017), “On the history of the Roma in the Russian empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century)”, *Bylye gody*, № 4, pp. 1207–1218.
- Shaidurov, V.N. (2018), “Crown gypsies of Bessarabia and Russia’s state policy (1828–1836)”, *Bylye gody*, № 4(3), pp. 1101–1110.
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. (2013), “The Gypsies of the Western Siberia and the Urals in historical and ethnographic sources and studies of the 17th – early 21st century”, in *Tsygane v orenburgskom sotsiume* [Gypsies in Orenburg society], Universitet, Orenburg, Russia, pp. 44–49.
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. (2016), “Formation of the “old” Romani population and its integration in the Russian class system in the 19–20th centuries”, in *Roma: past, present, future*, Lincom, Munich, Deutschland, pp. 24–55.
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. (2017), “Legislation and state policy of the Russian Empire with regards to Romani population”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, № 8, pp. 1–21.
- Tyurin, A. S. (2018), “«Gypsy problem» in the activities of the chamber of state properties in the Nizhny Novgorod province (1839-1866)”, *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, № 3 (42), pp. 42–53.